

СВЕТЛАНА ШЕВЧЕНКО,

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины (01021, Киев, ул. Шелковичная, 12)

SVITLANA SHEVCHENKO,

Candidate of Sciences in Sociology, Senior Research Fellow at the Department of Social Physiology, Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Ukraine (12, Shovkovychna St., Kyiv, 01021)

svetls@ukr.net

<https://orcid.org/0000-0002-6369-9096>

Буллинг и противодействие ему в образовательном пространстве. Социологический анализ

Известная пирамида потребностей А. Маслоу на вторую ступеньку ставит безопасность. Каким бы первоклассным ни было технологическое обеспечение учебного заведения, какие бы хорошие учителя ни реализовывали современные усовершенствованные программы, если ученики и студенты не чувствуют себя в безопасности, они не смогут учиться настолько плодотворно, как в безопасной среде. Соответственно, желаемые изменения в образовании нельзя планировать и воплощать без учета аспекта *безопасности* — безопасной образовательной среды, свободной от травли, издевательства и запугивания.

Буллинг (травля) — слово относительно новое в отечественном общественном пространстве, которое, впрочем, обозначает отнюдь не новое явление. Наряду с абюзом, харасментом, фетшеймингом и т. п. буллинг (и, в условиях развития новых технологий, такая его разновидность, как кибербуллинг) оказывается явлением столь обычным, укоренившимся и распространенным, что оно в его обычности зачастую ускользает от внимания профессиональных исследователей общества. Буллингом в Украине (в пространстве образования) занимаются преимущественно педагоги и психологи (см., напр.: [Буллинг, 2019], где все 70 приведенных источников относятся к педагогике и психологии), детский фонд ООН (ЮНИСЕФ) и некоторые общественные организации. Работа с детскими и подростковыми травмами, если они имеются у взрослого человека, также не попадает в фокус социологической заинтересованности, а скорее является полем для индивидуальной психологической терапии. В то же время социологическое осмысление явления буллинга в пространстве образования (школы, заведения профессионального среднего образования, вузы) явно недостаточно. Таким образом, цель данной статьи — социологический анализ ситуации с бул-

Цитирование: Шевченко, С. (2021). Буллинг и противодействие ему в образовательном пространстве. Социологический анализ. *Социология: теория, методы, маркетинг*, 2, 116–135.

лингом (распространенность, динамика, связь с социально-демографическими показателями) и противодействием ему (формальные законодательные рамки и реальные практики) в современном образовательном пространстве Украины.

Анализ эмпирических данных в отношении буллинга в украинском образовательном пространстве

На время подготовки статьи не было найдено данных о проведении в Украине массовых социологических исследований (кроме отдельных международных проектов, о чем речь пойдет ниже), посвященных явлению буллинга в образовании и противодействию ему. В фокус внимания общественного мнения попадают разве что единичные громкие случаи, вызывающие лишь кратковременную эмоциональную реакцию. Тем более важен социологический анализ существующей ситуации и корректная интерпретация данных эмпирических исследований. Это позволит понять масштабы распространенности этого явления в украинском образовательном пространстве и его динамику в течение последних лет.

На какие данные по Украине можно опираться для социологического анализа буллинга в образовании? На сайте Министерства образования и науки указано, что «согласно исследованию ЮНИСЕФ 67% детей в Украине в возрасте от 11 до 17 лет сталкивались с проблемой буллинга»¹, и приводится ссылка на странице ЮНИСЕФ. Можно ли считать данные о распространенности буллинга среди двух третей учащихся надежными? Очевидно, нет. Даже на странице ЮНИСЕФ по указанной ссылке приведены данные исследований с *другими* показателями. Отметим, что неосторожное обращение с данными в информационном пространстве (а информация о «67%» встречается и на многих других ресурсах², в многочисленных методических материалах и т. п.) не идет на пользу в деле противодействия буллингу. Такую информацию воспринимают как нагнетание внимания, ведь два из трех — это слишком много; в итоге это вызывает недоверие и отвлекает от темы определенное количество заинтересованных лиц.

В Украине масштабную оценку явления буллинга уже много лет осуществляют в таком международном проекте, как *HBSC* (Health Behaviour in School-aged Children) — «Здоровье и поведенческие ориентации учащейся молодежи», который проводится в Украине каждые четыре года при поддержке ЮНИСЕФ (последняя, пятая волна была проведена в 2018 году). Также в 2019 году прошла седьмая волна исследования *ESPAD* (European School Survey Project on Alcohol and Other Drugs) — «Европейский опрос учащихся относительно употребления алкоголя и других наркотических веществ», где в 2019 году впервые был добавлен блок вопросов о буллинге. Полученные в рамках этих исследований данные³

1 См.: <https://mon.gov.ua/ua/tag/protidiya-bulingu>.

2 Напр., на сайте «СтопБулінг»: <https://www.stopbullying.com.ua/adults/statistics>

3 Кроме этих двух масштабных проектов ЮНИСЕФ поддерживает проект «U-Report», в рамках которого подростки и молодые люди отвечают на полученные в СМС вопросы, в том числе касающиеся обучения и буллинга. Впрочем, респонденты данного проекта — это наиболее социально активные молодые люди и подростки, а значит, выборка имеет значительное смещение и не репрезентирует подростков и молодежь страны в целом. Тем не менее обобщенные результаты ответов молодежи в рамках «U-Report» часто представляются как репрезентативные для молодежи Украины.

могут обеспечить гораздо больше социологической информации, чем просто количество обидчиков и жертв.

Рис. 1. Динамика уровня распространенности буллинга в учебных заведениях Украины по данным HBSC (2006–2018) и ESPAD (2019), %

Источник: [Булінг, 2020].

Рассмотрим данные о распространенности явления буллинга, которые можно получить из указанных исследований. Как отмечалось, в рамках проекта HBSC в 2018 году была проведена пятая волна опросов учащейся молодежи в Украине¹, при этом блок вопросов о буллинге был использован в четвертый раз. Таким образом, можно проследить динамику за 2006, 2010, 2014 и 2018 годы. В опросах ESPAD данные о буллинге имеются за 2019 год². Согласно этим данным, с 2006 по 2019 год наблюдается позитивная динамика в плане *уменьшения буллинга* в ученической среде (см. рис. 1). Данные, полученные в рамках разных

1 Объектом исследования являются молодые люди в возрасте 10–17 лет, которые учатся в 5–11-х классах заведений общего среднего образования (ЗОСО), на 1-м, 2-м курсах заведений профессионально-технического образования (ЗПТО) и на 1-м, 2-м курсах заведений профессионального предвысшего образования (ЗППО) (на базе 9-летнего образования). В волне HBSC-2018 было опрошено 13337 респондентов из 287 учебных заведений, расположенных в 369 населенных пунктах (173 городах и 196 селах) Украины. Выборочная совокупность национальная, стратифицированная по типам учебных заведений и типу поселения (город–село) [Балакірева, Бондар та ін., 2019: с. 8].

2 Опрос 2019 года, проведенный в 260 учебных заведениях, репрезентирует возрастную группу подростков 14–17 лет, которые учатся в заведениях общего среднего образования (ЗОСО) (9–11 классы), заведениях профессионально-технического образования (ЗПТО) (I–II курс после базового среднего образования) и заведениях профессионального предвысшего образования (ЗППО) (I–II курс после базового среднего образования). Общее количество опрошенных составляет 8 509 учащихся/студентов в возрасте 14–17 лет в 24 областях Украины и г. Киеве [Куріння, 2019: с. 6].

проектов за 2018 (HBSC) и 2019 (ESPAD) годы, почти не отличаются, что доказывает надежность измерения.

Рассмотрим, как осуществлялось измерение *показателей* участия в буллинге в рамках приведенных исследований. В исследовании *HBSC* этот показатель измеряется при помощи вопросов: «Как часто ты принимал(ла) участие в оскорблении / унижении других, в издевательствах над ними в учебном заведении в течение последних двух месяцев?» и «Как часто тебя оскорбляли / унижали / издевались над тобой в учебном заведении в течение последних двух месяцев?» При этом ученикам-респондентам предлагались следующие варианты ответа:

- Я не оскорблял(-ла)... / Меня не оскорбляли....
- Это случилось 1–2 раза.
- Это случилось 2 или 3 раза в месяц.
- Это случилось 1 раз в неделю.
- Это случилось несколько раз в неделю.

Итак, когда речь идет об участии в буллинге (данные на рис. 1), имеется в виду выбор учеником/студентом любого другого варианта ответа, кроме «Я не оскорблял(-ла)...» или «Меня не оскорбляли...» соответственно. Таким образом, в 2018 году 35% учеников так или иначе выступали в роли обидчика, а 37,9% — в роли жертвы буллинга [Балакирева, Бондар та ін., 2019: с. 41–43], тогда как в 2006 году больше половины (57%) учеников участвовали в травле других, что и отражено на рисунке 1. Впрочем, большинство тех, кто подтверждает участие в буллинге, выбрали ответ *о единичных случаях* — 1–2 раза в течение последних двух месяцев (см. рис. 2, 3).

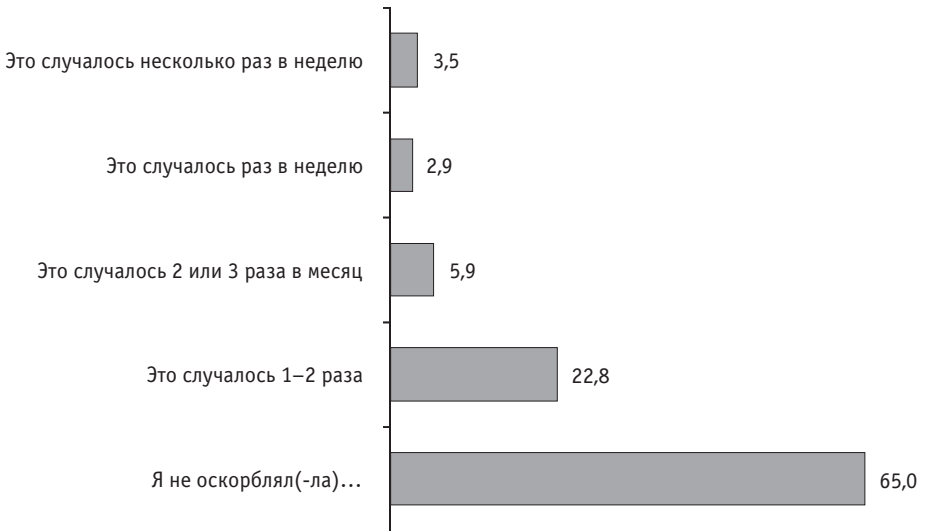

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Как часто ты принимал(-ла) участие в оскорблении / унижении других, в издевательствах над ними в учебном заведении в течение последних двух месяцев?» (по данным HBSC 2018), %

Если же интерпретировать буллинг именно как *систематическую* травлю (что точнее соответствует содержанию понятия буллинга), то есть 2–3 раза в месяц и даже чаще, то количество *систематических обидчиков* по данным 2018 года *составляет* 12,2% (15,2% среди мальчиков и 9,2% среди девочек), ко-

личество систематических жертв — 15,7% (одинаковые значения для обоих полов).

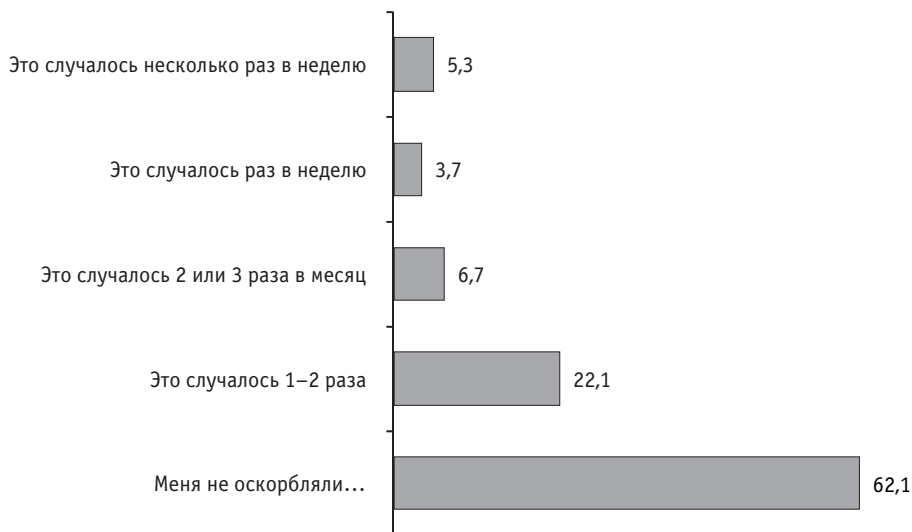

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Как часто тебя оскорбляли / унижали / издевались над тобой в учебном заведении в течение последних двух месяцев?» по данным HBSC (2018), %

Таким образом, социологическая интерпретация эмпирических данных показывает, что речь идет не о 67% детей и подростков, как отмечают в обосновании всех антибуллинговых инициатив, и даже не о трети (35–38%), включающей все единичные случаи, а о гораздо меньшем количестве учащихся, которые, впрочем, систематически подвергаются травле или участвуют в травле других. В определенной мере искусственное увеличение количества лиц, вовлеченных в ситуацию буллинга, в результате зачисления сюда всех единичных случаев (о ссылке на неточные данные вообще говорить не приходится) уменьшает возможности реальных изменений, поскольку, во-первых, вызывает недоверие уже на этапе оглашения данных, а во-вторых, мешает увидеть реальную картину и ее социальные предпосылки.

Отметим момент, который иногда учитывается в анализе количества жертв и обидчиков, — дело в том, что порой речь идет об *одних и тех же лицах*. Если подсчитать тех, кто не подтвердил участия в буллинге будь то в качестве обидчика или качестве жертвы, то таковых среди учеников-респондентов в волне HBSC 2018 года было меньше половины — 47,9%, тогда как пятая часть (20,6%) отметили участие в буллинге то ли в качестве жертвы, то ли в качестве обидчика (в том числе 4,5% — систематически и оскорбляли других, и подвергались оскорблениям).

Проанализируем связь участия в буллинге с полом, материальным положением, состоянием здоровья и эмоциональным состоянием.

Гендерный аспект буллинга: среди девочек на 10,1% больше тех, кто не оскорблял других. Преобладание обидчиков среди мальчиков характерно для всех волн опроса. Если среди систематических обидчиков, по данным 2018 года, юношей больше (15,2% против 9,2% среди девушек), то среди жертв значимой разни-

цы по полу нет — систематически травят как девочек (15,8%), так и мальчиков (15,7%), тогда как пребывание одновременно в обеих ролях больше характерно для мальчиков (7,9% против 3,6%) (см. табл. 1). Этот разрыв сохраняется как для единичных случаев травли, так и при рассмотрении систематического буллинга.

Таблица 1

Участие в буллинге среди учеников и учениц (по данным HBSC, 2018, %)

Варианты	Мальчики (n = 6512)	Девочки (n = 6364)	Среди всех N = 12876 ^a
Были обидчиками	40,0	29,9	35,0
Были обидчиками систематически	15,2	9,2	12,2
Были жертвами	37,4	38,4	37,9
Были жертвами систематически	15,7	15,8	15,7
Были как обидчиками, так и жертвами	22,5	18,9	20,6
Были как обидчиками, так и жертвами систематически	7,9	3,6	4,5

^a Здесь и далее в таблицах *n* — это минимальное количество наблюдений. Доля жертв и доля обидчиков отдельно рассчитаны от несколько большего числа наблюдений, доля тех, кто был как обидчиком, так и жертвой, рассчитана от числа тех, кто ответил на оба вопроса, а это пересечение множеств всегда немного меньше, чем количество ответивших на каждый вопрос по отдельности.

Таблица 2

Участие в буллинге среди учащихся из семей разного материального положения (по данным HBSC, 2018, %)

Варианты	Среди тех, кто оценил материальное положение своей семьи как:			Среди всех N = 12511
	высокое (высокое + выше сред- него) (n = 7445)	среднее (n = 4422)	низкое (ниже сред- него + низ- кое) (n = 644)	
Были обидчиками	34,1	35,4	42,6	35,0
Были обидчиками систематически	11,6	12,6	15,9	12,2
Были жертвами	36,2	38,9	47,5	37,9
Были жертвами систематически	14,5	16,7	23,0	15,7
Были как обидчиками, так и жертвами	19,2	21,7	29,2	20,6
Были как обидчиками, так и жертвами систематически	3,7	5,3	7,6	4,5

Важным фактором, связанным с буллингом, является материальное положение семьи подростка. Так, по данным HBSC 2018 года, материальное положение семьи подростка (по его субъективной оценке)¹ и его участие в буллинге имеют обратную связь (см. табл. 2). Среди подростков из обеспеченных семей 36,2% были жертвами буллинга, тогда как среди подростков, которые отнесли себя к семьям с низким или очень низким материальным положением, — 47,5%, то есть почти каждый второй. Если говорить о систематическом буллинге, то среди подростков из обеспеченных (субъективно) семей 14,5% являются жертва-

1 По самооценкам подростков, доля тех, кто оценил материальное положение своей семьи как высокое (высокое или выше среднего), достигает 59,7%, как среднее — 35,2%, как низкое (низкое или ниже среднего) — 5,1%. Это существенно отличается от того, как обычно оценивает свое материальное положение взрослое население Украины.

ми, тогда как среди подростков из малообеспеченных семей — 23%, то есть почти каждый четвертый. Подростки из менее обеспеченных семей гораздо чаще выступают как в роли обидчика, так и в роли жертвы, а также принадлежат к обеим сторонам одновременно.

Низкое материальное положение, преобладание мальчиков среди студентов характерны для ЗПТО, поэтому среди респондентов, обучающихся в ЗПТО, выше доля тех, кто вовлечен в буллинг (см. табл. 3). Почти половина респондентов, обучающихся в заведениях профессионально-технического образования, признаются в том, что принимали участие в травле — 46,6%, в том числе 20% (каждый пятый!) — систематически.

Таблица 3

**Участие в буллинге среди учащихся разных типов учебных заведений
(по данным HBSC, 2018, %)**

Варианты	Среди учащихся/студентов...			Среди всех N = 12879
	ЗООО (n = 11450)	ЗПТО (n = 721)	ЗППО (n = 708)	
Были обидчиками	34,3	46,6	34,5	35,0
Были обидчиками систематически	11,6	20,0	13,6	12,2
Были жертвами	38,5	37,8	27,6	37,9
Были жертвами систематически	16,0	16,0	10,5	15,7
Были как обидчиками, так и жертвами	20,8	23,9	15,3	20,6
Были как обидчиками, так и жертвами систематически	4,6	6,2	3,0	4,5

По типу населенного пункта (город–село) значимых различий в отношении участия в буллинге с любой стороны, согласно данным 2018 года, нет.

Таблица 4

**Участие в буллинге среди учащихся с разной самооценкой состояния здоровья
(по данным HBSC, 2018, %)**

Варианты	Среди тех, кто оценил состояние своего здоровья как:				Среди всех N = 12767
	Прекрасное (n = 4736)	Хорошее (n = 5423)	Среднее (n = 2397)	Плохое (n = 211)	
Были обидчиками	31,9	35,5	39,5	40,0	35,0
Были обидчиками систематически	10,8	11,8	15,5	16,2	12,2
Были жертвами	31,5	38,3	47,4	59,9	37,9
Были жертвами систематически	12,6	15,0	21,9	35,4	15,7
Были как обидчиками, так и жертвами	16,3	21,7	25,8	31,8	20,6
Были как обидчиками, так и жертвами систематически	3,9	4,2	6,3	9,5	4,5

Как было указано выше, необходимость чувствовать себя в безопасности — одна из самых важных потребностей человека, в том числе во время обучения. С чувством (не)безопасности тесно связано состояние здоровья молодого человека. Так, была выявлена связь между оценкой учащимися и студентами состояния своего здоровья и их участием в буллинге (см. табл. 4). Худшее состояние здоро-

вья связано с большей вовлеченностью в буллинг, причем как в роли обидчика, так и в роли жертвы. Возможности социологии в этом случае ограничены в плане определения того, что является причиной, а что — следствием, впрочем, можно зафиксировать эту связь между состоянием здоровья и участием в процессе буллинга (как видно из табл. 4, она сохраняется как для единичных случаев, так и для систематического участия). Более трети подростков (35,4%), считающих свое здоровье плохим, являются жертвами систематического буллинга.

Что касается связи буллинга и здоровья, нельзя исключать, что здесь действует еще и фактор материальной обеспеченности. Как было показано выше, низкие показатели материального благосостояния связаны с большей вовлеченностью в буллинг, соответственно, дети из более обеспеченных семей лучше оценивают свое здоровье и реже сообщают о своем участии в буллинге.

Исследование HBSC не предполагает изучения связи между поведенческими ориентациями подростка и его академическими успехами, а потому на этих эмпирических данных мы не можем проверить наличие связи между вовлеченностью в буллинг и академической успешностью. Впрочем, существует связь между буллингом и состоянием здоровья, как было показано выше, а кроме того, есть связь между буллингом и ощущением себя счастливым, а также между буллингом и состоянием тоски и безнадежности, близким к депрессивному. Как видно из таблицы 5, те ученики, которые в целом чувствуют себя счастливыми, гораздо меньше вовлечены в буллинг, особенно когда речь идет о систематическом участии в этом с любой стороны. Каждый десятый (10,3%) из тех подростков, которые не чувствуют себя счастливыми, систематически является участником буллинга — как в роли обидчика, так и в роли жертвы. Почти треть несчастливых подростков (30,6%) являются жертвами систематического буллинга. Если же взять показатель по ответу на вопрос «В течение последних 12 месяцев чувствовал(-ла) ли ты себя настолько тоскливо или безнадежно почти каждый день в течение двух или больше недель подряд, что прекращал(-ла) заниматься обычными делами?», то, логично, что это состояние тоски и безнадежности прямо связано с участием в буллинге. Каждый четвертый подросток (24,6%) из тех, кто указал на наличие депрессивных ощущений, систематически подвергается травле.

Наряду с субъективным состоянием счастья (или, наоборот, печали), в плане точности оценки которого со стороны школьников и студентов можно сомневаться, есть более объективный показатель — наличие физического или психологического насилия со стороны родителей или других взрослых, с которыми проживает подросток. Нет ничего удивительного в том, что респонденты, указавшие на наличие физического или психологического насилия со стороны взрослых членов их семьи, чаще вовлечены в буллинг. Они чаще являются как обидчиками (ведь в учебном заведении может найтись кто-то более слабый, на ком можно «отыграться»), так и жертвами (паттерн жертвы работает как в семье, так и в школе). В таблице 6 отражена выявленная связь между насилием в семье и травлей в учебном заведении. Следует отметить, что подавляющее большинство опрошенных подростков (82,3%) указали на отсутствие насилия в отношении их со стороны взрослых членов семьи в течение последнего года, тогда как почти каждый шестой указал на наличие физического и/или психологического насилия со стороны взрослого. Конечно, те, кто подвергался этому

со стороны взрослых, чаще вовлечены в буллинг в учебном заведении — так, каждый пятый (21,9%) из таких подростков систематически оскорбляет других, 28,4% становятся постоянными жертвами травли, а каждый десятый — 10,0% — систематически оказывается как жертвой, так и обидчиком.

Таблица 5

Участие в буллинге среди учащихся с разной самооценкой своего эмоционального состояния (по данным HBSC, 2018, %)

Варианты	Среди тех, кто чувствует себя счастливым (очень счастливым + достаточно счастливым) или несчастливым (не очень счастливым + совсем несчастливым)		Среди тех, кто в течение последних 12 месяцев чувствовал(-ла) себя настолько тоскливо или безнадежно почти каждый день в течение двух или больше недель подряд, что прекращал(-ла) заниматься обычными делами		Среди всех N = 12088
	Счастливым (n = 10744)	Несчастливым (n = 1344)	Да (n = 3396)	Нет (n = 9480)	
Были обидчиками	33,5	46,1	43,4	32,0	35,0
Были обидчиками систематически	11,0	20,8	16,7	10,6	12,2
Были жертвами	34,5	57,2	51,7	32,9	37,9
Были жертвами систематически	13,3	30,6	24,6	12,6	15,7
Были как обидчиками, так и жертвами	18,8	33,0	29,4	17,5	20,6
Были как обидчиками, так и жертвами систематически	3,6	10,3	7,0	3,6	4,5

Таблица 6

Участие в буллинге среди учащихся, которые сталкивались / не сталкивались с насилием со стороны взрослых членов семьи (по данным HBSC, 2018, %)

Варианты	Среди тех, кому не был причинен ни физический, ни психологический вред со стороны взрослых (n = 10270)	Среди тех, кому был причинен физический и/или психологический вред со стороны взрослых (n = 2216)	Среди всех N = 12486
Были обидчиками	30,8	52,2	35,0
Были обидчиками систематически	9,7	21,9	12,2
Были жертвами	32,6	57,6	37,9
Были жертвами систематически	12,3	28,4	15,7
Были как обидчиками, так и жертвами	16,7	36,4	20,6
Были как обидчиками, так и жертвами систематически	3,1	10,0	4,5

Социологическая интерпретация имеющихся данных свидетельствует, что существует связь между насилием в семье по отношению к ребенку/подростку

и участием ребенка/подростка в буллинге в учебном заведении. Непрерывность паттерна применения силы в отношении более слабого человека сохраняется в ходе взросления молодого человека — часто те, кто подвергался насилию по отношению к себе в детстве, склонны оправдывать его, становясь взрослыми. Так, согласно данным социологического исследования, проведенного КМИС в 2014–2015 годах среди детей и взрослых¹, те из взрослых респондентов, которые подвергались физическому насилию в детстве, чаще применяют его во взрослом возрасте по отношению к своим детям и близким людям. Кроме того, они чаще оправдывают физическое насилие как меру наказания и считают его нормой [Результаты опитування, 2015]. Впрочем, факт применения насилия к человеку в прошлом не является однозначно надежным предиктором его поведения в будущем, ведь в таком случае нельзя было бы говорить о влиянии общественных изменений. В действительности же, в последние годы можно наблюдать определенные общественные изменения в плане распространенности насилия и его восприятия, о чем речь пойдет ниже.

Законодательное поле противодействия буллингу и его отражение в социальном пространстве

Хотя, как было показано выше, по данным эмпирических исследований с 2006 по 2018 год наблюдается позитивная динамика в плане уменьшения буллинга в учебных заведениях, именно после 2018 года, в рамках внедрения НУШ (Новой украинской школы) тема противодействия буллингу заняла свое место в правовом поле. Принятие новых законов и внесение изменений в существующие — процесс длительный, но он постепенно продвигается, формируя правовое поле для противодействия буллингу в сфере образования, и служит доказательством изменений в обществе.

Закон «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно противодействия буллингу (травле)»² был принят ВРУ 18.12.2018 года и вступил в силу 19.01.2019 года. Этот законодательный акт сделал возможным признание существования проблемы буллинга — ранее в отечественном правовом поле соответствующее понятие отсутствовало. Закон признает буллинг насилием, а не просто обычным конфликтом и относит это правонарушение к административным. Закон предусматривает внесение изменений в те статьи Закона «Об образовании», которые имеют отношение к: 1) правам получателей образования на безопасные условия обучения, защиту от травли и

1 Всеукраинское исследование «Общественное мнение по вопросам насилия в отношении детей» проводилось по заказу проекта Совета Европы «Укрепление и защита прав детей в Украине», который финансируется при поддержке Правительства Норвегии, Киевским международным институтом социологии. В первой части исследования, выпавшей на декабрь 2014 года, изучались социальные ориентации взрослых жителей Украины (в возрасте 18 лет и старше), связанные с применением насилия к детям и опытом пережитого насилия в детстве. Было опрошено 1800 респондентов в 110 населенных пунктах Украины. Во второй части исследования, в феврале–апреле 2015 года, изучался опыт подверженности насилию среди детей 12–17 лет, которые учатся в 6–11 классах общеобразовательных школ, ПТУЗ и вузах Украины. Было опрошено 1800 детей в 120 учебных заведениях.

2 См.: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2657-19#Text>

получение помощи в случае буллинга, 2) обязанностям работников учебных заведений в отношении защиты учеников и сообщения о фактах буллинга, 3) обязанностям руководства учебных заведений по созданию безопасной среды и реагированию на случаи буллинга, 4) выполнению родителями решений комиссии по рассмотрению случаев буллинга.

Год спустя, 28.12.2019 года, был утвержден Приказ МОН о реагировании на случаи буллинга (травли) и применении мер воспитательного воздействия в учебных заведениях¹. Через два месяца, 26.02.2020 года, МОН утвердило план мероприятий, направленных на предотвращение и противодействие буллингу (травле) в учебных заведениях². План мероприятий предполагает постоянную информационно-просветительскую и профилактическую деятельность в учебных заведениях, взаимодействие между учебными заведениями и другими субъектами реагирования на случаи буллинга, предоставление психологических услуг жертвам буллинга и лицам, которые его совершили, повышение квалификации педагогов в этой сфере и мониторинг эффективности принятых мер.

Насколько эффективными оказались указанные изменения в законодательстве, ныне оценить сложно, ведь прошло совсем немного времени. Как отмечает О. Падучак (юристка, член рабочей группы по подготовке Закона о противодействии буллингу) в своей статье от 21.01.2020 года, анализируя первый год после принятия закона, «чрезвычайно болезненной является проблема отсутствия в Украине общегосударственных антибуллинговых профилактических программ. В связи с этим профилактическая работа, которая должна быть «сердцем» противодействия буллингу, в большинстве учебных заведений носит сугубо формальный характер» [Падучак, 2020]. Структурной проблемой, мешающей реализации закона, на которую обращает внимание юристка, является также дефицит в учебных заведениях психологов и социальных педагогов. Еще одним весомым фактором, усложняющим развитие безопасной образовательной среды, является распространенная практика утаивания руководством учреждений фактов буллинга, нежелание признавать проблему и, соответственно, прилагать усилия для ее решения.

Обращаясь от описания правовых рамок к анализу социального пространства, можно очертить следующие проблемы в учебных заведениях на пути к противодействию буллингу:

– *Формализм в реализации антибуллинговой профилактики.* Многие учебные заведения формально относятся к соответствующим мерам, не осознавая важности проблемы и не имея ресурсов для ее преодоления. Отчасти все ограничивается созданием практически не обновляющегося раздела «противодействие буллингу» на сайте школы и формальными отписками в отчетности о том, что антибуллинговые мероприятия якобы проводятся. Аналогичная ситуация существует не только в этой сфере — повсюду (от написания дипломных работ за деньги до отчетности по противодействию буллингу или проведению мероприятий по национально-патриотическо-

1 См.: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/z0111-20#Text>

2 См.: <https://mon.gov.ua/ua/npa/pro-zatverdzhennya-planu-zahodiv-spryamovanih-na-zapobigannya-ta-protidiyu-bulingu-ckuvannyu-v-zakladah-osviti>

му воспитанию) учебные заведения и их руководство прибегают к квазирешениям, исключительно ради выполнения формальных требований с наименьшими усилиями¹.

- *Отсутствие квалифицированного психологического персонала.* Нехватка психологов и социальных педагогов, особенно в небольших населенных пунктах, высокая загруженность и низкая заработная плата таких специалистов, — все это является серьезным препятствием для создания безопасного, свободного от издевательств и травли образовательного пространства. Prestиж профессии школьного психолога (и тем более социального педагога) невысок, карьерный рост — сомнителен, и в совокупности это сильно демотирует практических психологов идти работать в учебные заведения. Так, согласно официальным данным, обнародованным в письме МОН Украины № 1/9-462 от 18.07.2019 года «О приоритетных направлениях работы психологической службы в системе образования на 2019–2020 у. г.», в 2018–2019 учебном году обеспеченность практическими психологами в учебных заведениях (в количестве ставок) составляла 11240,25, что соответствует 62,28% от общей потребности, а по социальным педагогам — 5122,25, то есть 48,8%. Таким образом, средний показатель имеющихся ставок относительно потребности составляет 57,33%².
- *Распространенная практика сокрытия руководством учебных заведений фактов буллинга,* нежелание признавать проблему и, соответственно, прилагать усилия для ее разрешения. Нежелание руководства учебных заведений нести ответственность за проявления буллинга ведет к отсутствию взаимопонимания между заинтересованными сторонами (представителями учреждения, учащимися и родителями) и блокирует возможности совместного преодоления проблемы. Для подтверждения приведу весьма красноречивый показатель: по состоянию на 2019 год, согласно данным исследования ESPAD, почти половина руководителей учебных заведений (45,9%) считали, что для членов их педагогического коллектива *нет потребности* в дополнительной подготовке по теме «Медиация, разрешение конфликтов, предотвращение буллинга» [Куріння, 2019: с. 74].

Впрочем, говоря о преградах и трудностях, нельзя не упомянуть об инициативах отдельных агентов изменений, направленных на противодействие буллингу, что в перспективе должно привести к позитивным изменениям.

Известная платформа онлайн-обучения «Prometheus» предлагает желающим курс объемом 80 часов «Противодействие и предупреждение буллинга (травли) в учебных заведениях»³ с выдачей сертификата в случае успешного прохождения.

В студии онлайн-обучения «Ed-era» (Украинский образовательный проект, создающий полноценные онлайн-курсы и сопроводительные материалы) размещен 9-модульный курс для повышения квалификации учителей «Недискри-

1 Эта проблема требует дальнейшего, более глубокого изучения, поскольку касается не только заявленной темы, но и многих процессов в образовательном пространстве.

2 См.: <https://mon.gov.ua/storage/app/uploads/public/5d5/509/cce/5d5509cced971281731392.pdf>

3 См.: https://courses.prometheus.org.ua/courses/course-v1:MON+AB101+2019_T2/about

минационный подход в обучении»¹, содержащий один модуль о противодействии буллингу.

Продолжаются информационные кампании против буллинга, которые проводятся силами ЮНИСЕФ² и правозащитных организаций, таких как «Ла-Страда Украина», открыта бесплатная «горячая линия»³ для телефонной помощи детям и взрослым.

В январе 2021 года Киевский молодежный центр сообщил о запуске специального проекта по противодействию буллингу — в форме коротких бесплатных онлайн-лекций для педагогов, родителей, психологов, а также учеников⁴.

Пока рано говорить о серьезном влиянии этих инициатив на динамику буллинга в украинском образовательном пространстве, но очевидно, что эта тема должна выйти из тени замалчивания и формального отношения, о чем речь шла выше.

Данные международных исследований о буллинге в сфере образования и противодействии ему

Данные волны HBSC 2017–2018 годов, проведенной в 45 странах⁵, свидетельствуют о том, что в среднем около 8% мальчиков и 5% девочек систематически обижали других, и почти 10% как среди юношей, так и среди девушек систематически становились жертвами буллинга [Inchley, Currie et al., 2020: p. 30]. По сравнению с этими показателями в Украине, по данным соответствующей волны исследования (HBSC-2018), среди учащихся 10–17 лет систематических обидчиков почти вдвое больше (15,2% и 9,2% соответственно), а систематических жертв — в полтора раза больше (15,7%).

По данным последней волны исследования PISA⁶ за 2015 год, посвященного образовательным достижениям учащихся, в среднем процент жертв буллинга среди 15-летних школьников в странах-участницах составляет 8,9% [OECD, 2017: p. 136]. Методология (критерии отнесения к жертвам) здесь несколько иная, чем в проекте HBSC, но в целом речь тоже идет о *систематических* оскорблениях и травле, а не единичных случаях. Поэтому данные о 8,9% сопоставимы с данными о 10% жертв в исследованиях HBSC. Если же по данным PISA сделать

1 См.: <https://courses.ed-era.com/courses/course-v1:EdEra-Studena+Inc+1/about>

2 См.: <https://www.stopbullying.com.ua/>

3 См.: <https://www.stopbullying.com.ua/help>

4 См.: https://kyivcity.gov.ua/news/startuvav_onlayn-proyekt_protidiya_bulingu_vid_kivskogo_molodizhnogo_tsentru/

5 Исследование проводилось в странах Европы и в Канаде, всего в нем приняли участие более 220 тыс. мальчиков и девочек.

6 PISA (Programme for International Student Assessment) — международная программа по оценке образовательных достижений учащихся, основанная в 1997 году. Цель исследования — получение сопоставимых данных об уровне знаний учащихся в возрасте 15 лет и умении применять их на практике, что должно способствовать повышению качества преподавания и организации системы образования.

расчеты только для стран Европы и Канады, то показатель количества жертв будет составлять 8,8%.

Аналитика по данным PISA подтверждает логичную и очевидную связь между академической успеваемостью учеников и наличием буллинга в учебном заведении: «Запугивание может негативно повлиять на учебные достижения, поскольку эмоциональные, поведенческие и психологические последствия виктимизации влияют на способность учеников сосредоточиваться на учебных задачах» [OECD, 2017: р. 139]. «В странах OECD¹ школы, где частота издевательств высокая по международным стандартам (свыше 10% учащихся являются жертвами буллинга), в среднем набирают на 47 баллов меньше, чем те школы, где издевательства случаются реже (школы, где менее 5% учащихся становятся жертвами)» [ibidem].

Имеются ли сегодня доказательства влияния программ противодействия буллингу в образовании на уменьшение его распространенности? Да, аналитики на основе данных PISA и метаанализа говорят о том, что большинство исследований, оценивающих программы предотвращения издевательств, обнаруживают позитивное, хоть и умеренное, влияние подобных программ [OECD, 2017: р. 144]. Особенно ощутимым оказался позитивный эффект финской программы KiVa², которая оказала значительное влияние на уменьшение частоты издевательств, а также изменила отношение студентов к хулиганам и их жертвам. Программы противодействия включают обучение и информирование родителей, совершенствование дисциплинарных мер, работу с ровесниками, управление конфликтами в классе и т. п. Программы противодействия, чтобы быть более эффективными, должны сочетать *систематический мониторинг* и ориентацию на детей и подростков из групп *высокого риска*.

Важный социально значимый вывод заключается в том, что программы противодействия должны не столько полностью устранить буллинг в образовательном пространстве, сколько *вывести его за рамки нормы* и способствовать нетолерантному отношению к издевательствам среди всех участников образовательного процесса. «Хотя эти программы могут не устранить буллинг полностью, соответствующие меры могут, тем не менее, изменить нормы, установки и восприятие буллинга среди учащихся, учителей и родителей. В средне- и долгосрочной перспективе эти изменения установок могут помочь смягчить пагубные последствия буллинга» [ibidem].

Итак, изучение данных международных исследований в контексте социологического анализа проблемы буллинга: 1) дает понимание о распространенности буллинга в учебных заведениях других стран и позволяет очертить реалистичные ориентиры на пути уменьшения буллинга; 2) поможет заимствовать и внедрить лучшие практики из имеющегося опыта противодействия буллингу; 3) показывает, что именно выведение буллинга за рамки нормы, умение отличить его от обычных детских конфликтов, нетолерантность к издевательствам

1 OECD (Organisation for Economic Co-operation and Development) — Организация экономического сотрудничества и развития.

2 KiVa — разработанная в Финляндии программа противодействия буллингу в школах, которая применяется во многих странах Европы и имеет доказанную эффективность в плане уменьшения буллинга. Официальный сайт — <https://www.kivaprogram.net/>

должны стать важной целью для всего украинского общества, если оно стремится продвигаться по пути гуманизации, в частности гуманизации образования.

Предмет(ы) дальнейших исследований

Очерчивание реального количества обидчиков и жертв буллинга, изучение социально-демографических аспектов этого явления, сопоставление с показателями других стран, оценка качества вмешательств и действенности правовых инноваций и т. п. — вот первые необходимые шаги в социологическом освещении явления буллинга. Кроме того, в будущем необходимо социологическое исследование еще некоторых аспектов.

Кибербуллинг, то есть травля в сети при помощи цифровых технологий (соц-сети, смартфоны, мессенджеры и т. п.) — весьма важная тема. По данным *HBSC-2018*, среди украинских учащихся принимали участие в кибербуллинге 21,1%, в том числе систематически — 7,6%. Доля жертв кибербуллинга достигает 21,5%, в том числе подвергающихся травле систематически — 7,6%. Очевидно, что пандемия коронавируса и связанное с ней перенесение части обучения в онлайн начиная с 2020 года будут способствовать значительному повышению этих показателей, и проблема противодействия кибербуллингу потребует дополнительных исследований и поиска соответствующих методов ее решения. Особенностью кибербуллинга как объекта исследования является, с одной стороны, большая сложность его выявления (ведь достаточно распространенной оказывается ситуация, когда дети и подростки лучше владеют цифровыми технологиями, чем взрослые, в том числе учителя и родители); с другой стороны, он так или иначе оставляет так называемый цифровой след, то есть записи, которые можно использовать в качестве доказательств для дальнейшего прекращения травли.

Очень важно в контексте противодействия буллингу исследование реальной позиции учителей (возможно, при помощи качественных методов). Поскольку роль учителей в противодействии буллингу и выведении его за рамки нормы крайне важна, необходимо понимать, насколько учителя в целом понимают проблему, насколько укоренившимся в их среде является миф о том, что «вмешиваться не нужно, дети сами разберутся», насколько они готовы к применению полученных знаний о противодействии (или же прохождении курсов в рамках повышения квалификации остается сугубо формальным и не переходит в педагогическую практику), насколько в действительности (а не только в отчетах) урегулировано решение проблемы буллинга на уровне учебного заведения и т. п.

Выводы

Проблема буллинга в украинском образовательном пространстве должна получить должное социологическое освещение, а не просто оставаться пунктом в формальной отчетности учебных заведений. Для этого в качестве первого шага был проведен анализ текущей ситуации относительно буллинга (распространенность, динамика, связь с социально-демографическими показателями) и противодействия ему (формальные законодательные рамки и реальные практики) в современном образовательном пространстве Украины.

В результате проведенного анализа имеющихся в Украине эмпирических данных (международный проект *HBSC* — «Здоровье и поведенческие ориента-

ции учащейся молодежи») можно с осторожностью говорить о том, что уровень распространенности буллинга в образовательной среде демонстрирует тенденцию к снижению по сравнению с 2006 годом, когда данные об этом явлении собирались впервые. По состоянию на 2018 год среди учащихся 10–17 лет систематически оскорбляли других 15,2% юношей и 9,2% девушек, систематически становились жертвами буллинга 15,7% учащихся (независимо от пола). Это значительный показатель, однако он не равняется 67%, как указывается в рамках министерских антибуллинговых инициатив и методических рекомендаций.

Сравнение с данными для других стран показывает, что уровень буллинга в образовательном пространстве Украины, несмотря на снижение, в 2018 году оставался существенно выше европейского (где в среднем, по данным 2018 года, около 8% юношей и 5% девушек систематически обижали других и почти 10% среди обоих полов систематически оказывались жертвами буллинга).

Как демонстрируют приведенные в статье расчеты, в украинском образовательном пространстве участие в буллинге тесно связано с материальным положением семьи, состоянием здоровья ребенка/подростка, субъективным ощущением счастья (или его отсутствием) и наличием физического/психологического насилия в семье. Так, преобладание обидчиков среди мальчиков существенно, тогда как среди жертв значимой разницы по полу нет. Чем хуже материальное положение семьи подростка, тем чаще он становится так или иначе вовлеченным в буллинг. Есть связь между оценкой учениками состояния своего здоровья и их вовлеченностью в буллинг — худшее состояние здоровья связано с большей вовлеченностью как в роли обидчика, так и в роли жертвы. Учащиеся, которые в целом чувствуют себя счастливыми, гораздо меньше вовлечены в буллинг, вместе с тем почти треть несчастливых подростков являются жертвами систематической травли. Подростки, указавшие на наличие физического или психологического насилия со стороны взрослых членов семьи, чаще вовлечены в буллинг.

В статье рассматриваются законодательные изменения (принятие закона и других нормативных актов) в сфере противодействия буллингу, которые были реализованы, начиная с 2018 года в рамках программы НУШ (Новой украинской школы). В статье показано также, что препятствиями для воплощения антибуллинговых законов в жизнь общества являются формальное отношение учебных заведений к противодействию буллингу (когда они в основном ориентированы на удовлетворение формальных требований с наименьшими усилиями); отсутствие квалифицированного психологического персонала в учебных заведениях; практика утаивания руководством учебных заведений фактов буллинга. Также приводится перечень осуществляемых разными агентами изменений в Украине реальных шагов, направленных на противодействие буллингу в сфере образования и призванных привести к позитивным изменениям (онлайн-обучение, информационные кампании, «горячая линия» и т. п.).

Обзор международных данных касательно программ профилактики буллинга в образовании показывает, что эти программы должны сочетать систематический мониторинг и ориентацию на детей и подростков из групп высокого риска. Дальнейшее исследование международных данных по антибуллинговым вмешательствам необходимо для того, чтобы заимствовать и внедрить лучшие практики из накопленного опыта противодействия буллингу. Известные ныне данные свидетельствуют о том, что программы противодействия должны ста-

вить своєю метою не стільки повне усунення явлення булінга (это врят ли возможно), скілько *выведение его за рамки нормы*, что крайне важно на пути к гуманизации образования.

Что касается изменений в направлении гуманизации образовательного пространства, то очень значимы те, что относятся к безопасности учебной среды для ребенка / подростка. То, что противодействие буллингу является одной из составляющих реформы НУШ, очень важно, поскольку наконец выводит тему буллинга из тени умолчания. И хотя от принятия законов до действенных практик противодействия огромная дистанция, можно, по крайней мере, надеяться, что со временем эта темная сторона школьной жизни станет более исследованной и менее замалчиваемой, а значит — и менее угрожающей для детей. Социологический анализ заявленной темы должен стать шагом к пониманию реальной ситуации в образовании, выявлению слабых мест и формированию стратегии нетолерантного отношения к издевательствам, если украинское общество стремится продвигаться по пути гуманизации, в частности гуманизации образования.

Источники

Булінг та кібербулінг у підлітковому середовищі. Презентація ЮНІСЕФ за результатами досліджень (2020). Получено с: <https://www.unicef.org/ukraine/sites/unicef.org.ukraine/files/2020-02/bullying3.pdf>

Булінг: реалії та шляхи подолання: бібліогр. покажчик (2005–2019 рр.) (2019). Полтава: Полтавський національний педагогічний університет імені В. Г. Короленка, Бібліотека імені М. А. Жовтобрюха.

Куріння, вживання алкоголю та наркотичних речовин серед підлітків, які навчаються: поширення й тенденції в Україні: за результатами дослідження 2019 року в рамках міжнародного проекту «Європейське опитування учнів щодо вживання алкоголю та інших наркотичних речовин — ESPAD» (2019). Київ: Обнова компані.

Насильство щодо дітей в Україні. Всеукраїнське опитування громадської думки (2015). Київ: Клименко.

Насильство щодо дітей: сучасні виклики, законодавче врегулювання, кращі практики та взаємодія. Щорічна державна доповідь про становище дітей в Україні за підсумками 2018 року (2019). Київ: Державний інститут сімейної та молодіжної політики.

Падучак, О. (2020). Булінг — стоп! Аналіз першого року реалізації Закону щодо протидії булінгу. *Юридична газета*, 1 (707) [від 21.01.2020 р.]. Получено с: <https://yur-gazeta.com/publications/practice/inshe/buling-stop-analiz-pershogo-roku-realizaciyi-zakonu-shchodo-protidiyi-bulingu.html>

Андреєнкова, В.Л., Мельничук, В.О., Калашник, О.А. (2019). *Протидія булінгу в закладі освіти: системний підхід. Методичний посібник*. Київ: Агентство «Україна».

Результати опитування громадської думки з питань насильства стосовно дітей (грудень 2014 — травень 2015) (2015). Получено с: http://www.kiis.com.ua/materials/pr/20152905_children/presentation_children%206%2028.05.pdf

Балакірева, О. М., Бондар, Т. В. та ін. (2019). *Соціальна обумовленість та показники здоров'я підлітків та молоді: за результатами соціологічного дослідження в межах міжнародного проекту «Здоров'я та поведінкові орієнтації учнівської молоді»*. Київ: Фоліант.

Inchley, J., Currie, D., Budisavljevic, S., Torsheim, T., Jåstad, A., Cosma, A. et al. (Eds.) (2020). *Spotlight on adolescent health and well-being. Findings from the 2017/2018 Health Behaviour in School-aged Children (HBSC) survey in Europe and Canada. International report. Vol. 1: Key findings*. Copenhagen: WHO Regional Office for Europe.

OECD (2017). «Bullying». In: *PISA 2015 Results. Vol. III: Students' Well-Being*. Paris: OECD Publishing. Retrieved from: DOI: <https://doi.org/10.1787/9789264273856-12-en>

Получено 11.02.2021

References

- Bullying and cyberbullying in adolescence. UNICEF's presentation on surveys results* (2020). [In Ukrainian]. Retrieved from: <https://www.unicef.org/ukraine/sites/unicef.org.ukraine/files/2020-02/bullying3.pdf> [= Булінг 2000]
- Bullying: realities and ways of overcoming: bibliographic index (2005–2019)* (2019). [In Ukrainian]. Poltava: Poltava National Pedagogical University named after V. Korolenko. [= Булінг 2019]
- Smoking, alcohol and drug use among adolescents who are studying: the spread and trends in Ukraine: according to the results of the survey in 2019 in the framework of the international project «European survey of students on alcohol and other drugs — ESPAD»* (2019). [In Ukrainian]. Kyiv: Obnova kompani. [= Куріння 2019]
- Violence against children in Ukraine. All-Ukrainian public opinion poll* (2015). [In Ukrainian]. Kyiv: Klymenko. [= Насильство 2015]
- Violence against children: current challenges, legislation, best practices and interaction. Annual state report on the situation of children in Ukraine in 2018* (2019). [In Ukrainian]. Kyiv: State Institute of Family and Youth Policy. [= Насильство 2019].
- Paduchak, O. (2020). Bullying — stop! Analysis of the first year of implementation of the Law on Combating Bullying. [In Ukrainian]. *Juridical Newspaper*, 1 (707) [21.01.2020]. [In Ukrainian]. Retrieved from: <https://yur-gazeta.com/publications/practice/inshe/buling-stop-analiz-pershogo-roku-realizaciyi-zakonu-shchodo-protidiyi-bulingu.html> [= Падучак 2020]
- Andreenkova, V., Melnichuk, V., Kalashnik, O. (2019). *Countering bullying in an educational institution: a systematic approach. Methodical manual*. [In Ukrainian]. Kyiv: Ahentstvo Ukraina. [= Андреевкова, Мельничук, Калашник 2019]
- Results of a public opinion poll on violence against children (December 2014 — May 2015)* (2015). [In Ukrainian]. Retrieved from: http://www.kiis.com.ua/materials/pr/20152905_children/presentation_children%206%2028.05.pdf [= Результати 2015].
- Balakireva, O., Bondar, T. et al. (2019). *Social conditionality and indicators of health of adolescents and youth: according to the results of sociological research within the international project «Health and behavioral orientations of student youth»*. [In Ukrainian]. Kyiv: Folio. [= Балакірева, Бондар та ін. 2019]
- Inchley, J., Currie, D., Budisavljevic, S., Torsheim, T., Jästad, A., Cosma, A. et al. (Eds.) (2020). *Spotlight on adolescent health and well-being. Findings from the 2017/2018 Health Behaviour in School-aged Children (HBSC) survey in Europe and Canada. International report. Vol. 1: Key findings*. Copenhagen: WHO Regional Office for Europe.
- OECD (2017). «Bullying». In: *PISA 2015 Results. Vol. III: Students' Well-Being*. Paris: OECD Publishing. Retrieved from: DOI: <https://doi.org/10.1787/9789264273856-12-en>

Received 11.02.2021

СВІТЛАНА ШЕВЧЕНКО

Булінг та протидія йому в освітньому просторі. Соціологічний аналіз

Статтю присвячено соціологічному аналізу ситуації з булінгом (поширеність, динаміка, зв'язок із соціально-демографічними показниками) та протидією йому (формальні законодавчі рамки та реальні практики) в сучасному освітньому просторі України.

За даними 2018 року, кількість систематичних кривдників становить 12,2%, кількість систематичних жертв — 15,7%. Таким чином, насправді йдеться не про 67% (дві третини) дітей та підлітків, як зазначають в обґрунтуванні багатьох антибулінгових ініціатив, а про значно меншу кількість осіб, які, втім, систематично піддаються цькуванню або кривдять інших.

Проаналізовано зв'язок залученості до булінгу зі статтю, матеріальним становищем, станом здоров'я, емоційним станом, наявністю насильства з боку дорослих членів сім'ї. Розглянуто законодавчі рамки щодо протидії булінгу. Показано, що вагомими перешкодами для втілення антибулінгових законів є формалізм, брак кваліфікованого психологічного персоналу

та практика приховування керівництвом закладів освіти фактів булінгу. Наведено перелік реальних кроків, спрямованих на протидію булінгу, які мають привести до позитивних змін (онлайн-навчання, інформаційні кампанії, «гаряча лінія» тощо).

Наведено міжнародні дані щодо оцінки програм профілактики. Ці програми, щоб бути більш ефективними, мають поєднувати систематичний моніторинг та орієнтацію на дітей та підлітків із груп високого ризику. Програми протидії покликані радше не повністю усунути явище булінгу, а вивести його за межі норми, що є важливим чинником гуманізації освіти.

Обгрунтовано необхідність подальших соціологічних досліджень у сфері кібербулінгу, як і необхідність оцінювання реальної позиції вчителів.

Ключові слова: булінг, протидія булінгу, зміни в царині освіти, соціологія освіти

СВЕТЛАНА ШЕВЧЕНКО

Буллинг и противодействие ему в образовательном пространстве. Социологический анализ

Статья посвящена социологическому анализу ситуации с буллингом (распространенность, динамика, связь с социально-демографическими показателями) и противодействием ему (формальные законодательные рамки и реальные практики) в современном образовательном пространстве Украины.

По данным 2018 года, количество систематических обидчиков составляет 12,2%, количество систематических жертв — 15,7%. Таким образом, реально речь идет не о 67% детей и подростков, как указывают в обосновании многих антибуллинговых инициатив, а о значительно меньшем количестве лиц, которые, тем не менее, систематически подвергаются травле или обижают других.

Проанализирована связь участия в буллинге с полом, материальным положением, состоянием здоровья, эмоциональным состоянием, наличием насилия со стороны взрослых членов семьи. Рассмотрены законодательные рамки в отношении противодействия буллингу. Показано, что весомыми препятствиями для воплощения антибуллинговых законов являются формализм, нехватка квалифицированного психологического персонала и практика замалчивания руководством учебных заведений фактов буллинга. Приводится перечень направленных на противодействие буллингу реальных шагов, которые должны привести к позитивным изменениям (онлайн-курсы, информационные кампании, «горячая линия» и т. п.).

Приводятся международные данные по оценке программ профилактики. Подобные программы, чтобы быть более эффективными, должны сочетать систематический мониторинг и орієнтацію на детей и подростков из групп высокого риска. Программы противодействия призваны скорее не полностью устранить явление буллинга, а вывести его за рамки нормы, что важно для гуманизации образования.

Обосновывается необходимость дальнейших социологических исследований в сфере кибербуллинга и оценки реальной позиции учителей.

Ключевые слова: буллинг, противодействие буллингу, изменения в образовании, социология образования

SVITLANA SHEVCHENKO

Bullying and countering it in the educational space. Sociological analysis

The article is devoted to the sociological analysis of the situation with bullying (prevalence, dynamics, connection with socio-demographic indicators) and counteraction to it (formal legal framework and real practices) in the modern educational space of Ukraine.

According to 2018, the number of systematic bullers is 12.2%, the number of systematic victims — 15.7%. Thus, in reality, it is not about 67% (two thirds) of children and adolescents, as noted in the

justification of many anti-bullying initiatives, but about a much smaller number of people who, however, are systematically bully or bullied by others.

The connection between bullying and gender, financial status, health status, emotional state, and the presence of violence from adult family members was analyzed. The legal framework for combating bullying is considered. It is shown that significant obstacles to the implementation of anti-bullying laws are formalism, lack of qualified psychological staff and the practice of concealing the facts of bullying by the management of educational institutions. The article provides a list of real steps to combat bullying, which should lead to positive changes (online training, information campaigns, hotlines, etc.).

International data on the evaluation of prevention programs are given. To be more effective, these programs must combine systematic monitoring and targeting of children and adolescents at high risk. Anti-bullying programs should not so much completely eliminate the phenomenon of bullying as bring it out of the norm, which is important on the way to the humanization of education.

The necessity of further sociological researches in the field of cyberbullying is substantiated, as well as the necessity of assessing the real position of teachers.

Keywords: *bullying, countering bullying, changes in the education, sociology of education*